

Евгений Деменок

Ильф и Петров в стране Швейка

Тому, кто родился и вырос в Одессе, трудно избежать влияния великих одесситов. Да и зачем, собственно, его избегать? Этим влиянием лучше наслаждаться.

Илью Ильфа и Евгения Петрова великими одесситами назвать можно без сомнения, и под влияние их я попал очень быстро. Начал с того, что жил на улице их имени. Вдвойне интересно читать Ильфа и Петрова, сидя на балконе дома по улице Ильфа и Петрова. С нашего девятого этажа было видно море, в котором где-то далеко белел одинокий парус. Он напоминал мне Валентина Катаева, подкинувшего брату и другу идею романа о сокровищах, спрятанных в стуле, и затем спокойно уехавшего в Батум, никак не ожидая, что его «литературные негры» напишут гениальный роман. Ученики превзошли своего учителя.

Мне посчастливилось быть знакомым с «дочерью Ильфа и Петрова» Александрой Ильиничной Ильф. Добрая, умная и в высшей степени интеллигентная женщина, она снисходительно читала мои первые опусы и даже хвалила их, что безмерно меня радовало. Благодаря самоотверженной работе Александры Ильиничны над архивами отца мы можем сегодня познакомиться не только с полной версией двух гениальных романов, но и с не опубликованными ранее записными книжками, и увидеть настоящего Ильфа – человека, которому были присущи в том числе и слабости, и сомнения. А еще можем узнать правду о людях, которые Ильфа окружали, и о местах, в которых он побывал. Например, можем узнать о том, что неразлучные соавторы Ильф и Петров по пути во французский Гавр, где их ждал пароход «Нормандия», отправляющийся в Америку, побывали в Праге. Варшава, Прага, Вена

и Париж были остановками на пути к «Одноэтажной Америке», но в самой книге упоминания об этих остановках нет. Разве что фраза Ильфа в письме жене Марии Николаевне Тарасенко, написанном прямо на пароходе: «Ем не очень много, в меру, сплю, вообще отдыхаю после беготни по Праге и Вене. В Париже я не бегал».

Значит, по Праге бегал... Интересно, где? Ответить на этот вопрос нам как раз и помогут дневники Ильфа, из которых мы можем узнать массу любопытных подробностей.

Ведение дневника – прекрасная привычка. Илья Ильф считал это очень важным. Борис Галанов в своей книге «Илья Ильф и Евгений Петров» писал:

«Записная книжка была постоянным спутником Ильфа. Он часто говорил Петрову:

– Обязательно записывайте, – все проходит, все забывается. Я понимаю – записывать не хочется, хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставить себя».

А вот что писал сам Ильф в своем дневнике: «Если не записывать каждый день, что видел, даже два раза в день, то все к черту вылетит из головы, никогда потом не вспомнишь».

Что же записал он о посещении Праги?

Я буду цитировать в дальнейшем «Записные книжки» Ильи Ильфа (1925-1937), составленные его дочерью Александрой Ильиничной, а пока – несколько деталей путешествия.

Собираясь в поездку, Ильф записывал нужные адреса и телефоны в разных городах и странах. В числе первых записей – адрес посольства Чехословакии в Москве: Малый Харитоньевский переулок, 10. Им с Петровым нужно было получить транзитные визы.

Путешествие началось утром 19 сентября. На следующее утро соавторы оказались в Минске, а вечером уже в Варшаве. Они были там два дня, и 22 сентября 1935 года Ильф записал: «Уезжаем на вокзал и в 5 часов 15 минут в карлсбадском вагоне уезжаем в Прагу».

Записи о посещении в Праге датированы 23 и 24-м сентября.

23 сентября Илья Ильф записал: «Мчались всю ночь с громадной быстротой, но все-таки опоздали на полчаса и в Прагу приехали в 7 часов утра. Обменяли деньги в бюро де шанж (бюро обмена валют. – **Прим. автора**), за 10 долларов дали 235 крон. Сдали чемоданы в камеру хранения, умылись и побрились (здесь

мажут холодной водой, пальцем растирают мыло по лицу и после бритья смывают мокрой губкой) и зашли в вокзальный ресторан поесть сосисок. Но сосисок нам не дали – не поняли, пили кофе с рогаликами и маслом. Из окна виден перекресток. Поразительная картина движения на работу. Апогей – без четверти восемь, без 2-х минут уже тише, а ровно в 8 улица опустела. Напротив магазин платья – детское, дамское, паньске.

Вокзал со статуей сидящего Масарика.

Утром у Туманова.

Поездка с ним.

Американский буфет.

Возвращение.

Знакомство с С. С.

Поездка к «У Шутеры».

Цеховые дворы.

Часы Апостолов.

Венеция и владычество янычар.

Синагога.

Две подписи.

Терраса в Баррандов.

Снова возвращение.

Вечер «У Флеку».

Завтра в 6.25 с вокзала Вильсона уезжаем в Вену».

«Шофер вместо полпредства повез нас в отель «Амбассад».

С трудом распутали эту ошибку с помощью двух полицейских.

Приехали на Дудлевскую улицу в очень опрятный особняк и после разговора с чешкой и Касимовым попали к Туманову, с коим оказались уже знакомы по Спиридоньевке 17 (адрес московского особняка, где с 1932 года жил Максим Горький. – **Прим. автора**). Жена его – нервическая особа. Выехали на «форд-люксе» и ездили с тысячей приключений».

24 сентября, уже будучи в Вене, Ильф еще раз описывает в дневнике события вчерашнего дня:

«Прага. Вернулись в полпредство, съев сосисок в американском буфете, самом не-пражском месте Праги. Оказалось, что здесь Девяткин с женой, которых видел в Греции (осенью 1933-го и в начале 1934-го Ильф и Петров путешествовали по Европе, они

побывали в Стамбуле, Афинах, Неаполе, Риме, Венеции и Вене, а на обратном пути заехали в Варшаву. – **Прим. автора**). Коммунальные отношения по поводу уплотнения. Нас приглашает к себе Сергей Сергеевич, знакомит с женой Кларой Давыдовной (парик маркизы) и предлагает большую программу – обедать «У Шутеры», потом смотреть город, ужинать «У Флеку». Снова мы выезжаем с Дудлевской».

Сергей Сергеевич Александровский был в то время полпредом СССР в Чехословакии. Судьба его похожа на судьбы многих кадровых революционеров – несколько арестов в начале 1900-х, побег в Германию, после революции карьерный взлет – до Чехословакии он был сотрудником полпредства в Германии. В Прагу семья Александровских переехала в июле 1933 года. Именно Сергей Сергеевич от имени Советского Союза подписал с Эдвардом Бенешем в 1935 году Советско-Чехословацкий договор о взаимной помощи. Далее – падение. В 1938-м внезапный отзыв в Москву, в «резерв» Наркоминдел. В первые дни войны Александровский пошел добровольцем на фронт, попал в плен, в немецкий концлагерь в Борисове под Минском, бежал, в 1943 году арестован и в августе 1945 года расстрелян по приговору Особого совещания при НКВД СССР как немецкий шпион. Как обычно, родные не знали ни о приговоре, ни о месте погребения мужа и отца. Революция пожирает своих детей.

Жена и сын Сергея Сергеевича в 1945 году также были приговорены к бессрочной ссылке как члены семьи изменника Родины («чесэиры»), до своей реабилитации в 1956 году они жили в Енисейске. Судьба «чесэиров» зависела от «признательных» показаний отца; но Александровский не признал свою вину даже на допросах у Берии.

Наблюдательный Ильф не преминул отметить необычную прическу Клары Давыдовны – она действительно похожа на парик маркизы. Клара Давыдовна Спиваковская была и сама необычной личностью – примадонна Венской оперы, она пела вместе с Энрико Карузо. Блестящая карьера, прекрасная семья – и затем четыре пересыльные тюрьмы, ссылка, инвалидность... Клара Давыдовна умерла в 1963 году в Москве.

А тогда, в 1935-м, все еще было хорошо. Сергей Сергеевич Александровский был настолько известной и уважаемой в Праге

Староновая синагога в Праге, куда заходили Ильф и Петров

личностью, что его даже попросили оставить автограф в книге почетных посетителей Староновой синагоги. Об этом мы можем прочесть в дневнике Ильфа – рядом с описанием красавицы-Праги:

«Тесный, красивый, романтический и очень в то же время современный город. По порядку. Мы смотрели так – цеховые дворы, часы на ратуше (золотая смерть тянет за веревку, часы бьют четыре), толпа на тротуаре напротив, пражская Венеция с моста Карла Четвертого (золотой Христос с еврейскими буквами и владычество янычар), синагога готическая, здесь Сергея Сергеевича заставили расписаться в книге почетных посетителей, его подпись шла сейчас же за подписью Ротшильда, потом поехали на Злату улочку в Далиборку, казематы вроде казематов Семибашенного замка в Стамбуле.

Раньше этого обед «У Шутеры». Моравские колбаски, жаренные на решетке, вино «Бычья кровь» в кувшинчиках по четверть литра, фронское вино и кофе в толстых чашках.

«У Флеку»

Ужин «У Флеку» в старом монастыре. Все это очень похоже на немецкие годы импрессионизма. До этого пили кофе на террасе Баррандова. Ужасные мысли о войне.

«Ресторашка», «Зайдем в ресторашку».

Ночевали в консульстве среди металлической мебели на сверхъестественных постелях.

Уехали в Вену в 6.25 минут с вокзала Вильсона».

24 сентября Ильф записал в своем дневнике:

«Топичек – жаренный в масле и чесноке хлеб, коленка свиная, миндаль, орехи чищенные, редька, нарезанная машинкой, плацки, редиска, отдельно рыбок на зубочистках. (Вообще все называется уменьшительно: бабичка, пивочко, склянничка, хлебичка)».

Наблюдательный Ильф не мог не заметить этой действительно прелестной чешской особенности.

Так закончилась эта единственная реальная встреча великих писателей с Прагой. А до этого были встречи... литературные и экранные.

Первая литературная встреча авторов с Прагой произошла на страницах их первого романа «Двенадцать стульев». Вспомним известный эпизод с Кисой Воробьяниновым: «После недолгих уговоров Ипполит Матвеевич повез Лизу в «Прагу», образцовую столовую МСПО – «лучшее место в Москве», как говорил ему Бендер».

Остап знал толк в ресторанах. «Прага» действительно была одним из лучших мест в Москве – еще с 1902 года, когда купец Петр Тарарыкин перепрофилировал находившийся здесь трактир с тем же названием в ресторан для состоятельной публики. «Прага» тогда быстро стала одним из центров культурной жизни Москвы – здесь устраивались ежегодные «рубинштейновские обеды» в честь основателя Московской консерватории, композитора Николая Рубинштейна. В ресторане бывали Лев Толстой, Иван Бунин,

там все писатели
на ножках
стоят,
дежурия у дверей.
Там чудеса,
там Родов бродит,
Есенин на заре сидит,
и сообща они находят
приют, и ужин, и кредит.
Там пылом выпрепленным охвачен,
грозясь Лелевичу-врагу,
пред представителем рабфачьим
Пильняк внедряется
в рагу...
Поэт, художник или трагик,
забудь о днях тяжелых бед.
У «Моссельпрома»,
в бывшей «Праге»,
тебе готовится обед.

3

Где провести сегодня вечер?
Где назначить с приятелем встречу?
Решенья вопросов
не может быть проще:
«Все дороги ведут...»
на Арбатскую площадь.
Здоровье и радость –
высшие блага –
в столовой «Моссельпрома»
(бывшая «Прага»).

Там весело, чисто,
светло, уютно,
обеда вкусны,
пиво не мутно.

Там люди
различных фронтов искусств

евича. Он отстал, забыл ресторанный уклад. Теперь ему было положительно стыдно за свои баронские сапоги с квадратными носами, штучные довоенные брюки и лунный жилет, осыпанный серебряной звездой.

Оба смутились и замерли на виду у всей довольно разношерстной публики.

– Пройдемте туда, в угол,– предложил Воробьянинов, хотя у самой эстрады, где оркестр выпивал дежурное попурри из «Баядерки», были свободные столики».

В 30-е тихий прежде Арбат стал одной из главных улиц Москвы, и столовая была перепрофилирована под обслуживание сотрудников НКВД, в том числе охранников Сталина. В 1954 году после капитального ремонта с участием чешских специалистов ресторан «Прага» был вновь открыт для публики и несколько десятилетий он был одним из самых престижных ресторанов Москвы. В его девяти роскошных залах часто проводились дипломатические приемы. С распадом СССР он стал переходить из рук в руки, что неизбежно отразилось на качестве обслуживания. Работает «Прага» и сегодня – правда, в усеченном режиме.

Вторая литературная встреча с Прагой случилась у Ильфа и Петрова на страницах второго романа. Удивительное постоянство, не правда ли? Вернее, встреча эта случилась не у самих авторов двух легендарных романов, а у их... персонажа. Реального персонажа. Единственного настоящего сына лейтенанта Шмидта. Именно в Прагу попал из Галлиполи в 1921 году Евгений Петрович Шмидт-Очаковский. Ирония судьбы – единственный сын «красного адмирала» стал активным участником белого движения. Более того – крейсер «Очаков», переименованный сначала в «Кагул», а затем, в сентябре 1919-го, получивший название «Генерал Корнилов», принял перед этим самое деятельное и во многом решающее участие в высадке десанта Вооруженных сил Юга России в Одессе и освобождении города от большевиков.

А начиналось все совершенно иначе. Узнав о том, что отец возглавил восстание на мятежном «Очакове», шестнадцатилетний Евгений Шмидт немедленно прибыл на крейсер и присоединился к отцу. Когда «Очаков» был расстрелян и начал тонуть, Евгений вместе с отцом бросился за борт и спасся на миноносце № 270.

Такое единство отца и сына неудивительно – Петр Петрович Шмидт после развода с женой воспитывал сына самостоятельно и, несмотря на сложный и конфликтный характер, отцом был хорошим. Евгений был арестован, но как несовершеннолетний не был приговорен к наказанию. Уже в Праге он написал книгу воспоминаний об отце под названием «Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»)». Она вышла в 1926 году в пражском издательстве «Пламя» и была переиздана в Одессе в 2006 году. В конце одесского издания – краткая биография Евгения Шмидта (вторую половину он добавил к фамилии в 1914 году). Привожу ее с небольшими коррективами. Евгений Петрович Шмидт родился в 1889 году, с трех до пяти лет жил в Санкт-Петербурге, затем с 1894 до декабря 1898 года – во Владивостоке и в Нагасаки. В августе 1900 года Евгений Шмидт поступил в 1-й класс реального училища Святого Павла в Одессе. В 1905 году отец и сын Шмидты перебираются в Севастополь, где Евгений учится в Константиновском реальном училище. После расстрела отца жил в Одессе и Керчи, затем переехал в Санкт-Петербург, где учился в технологическом институте, но война помешала ему получить высшее образование. Евгения призывают на военную службу, он оканчивает школу прапорщиков инженерных войск и получает звание прапорщика саперных войск. В 1917 Евгений Шмидт присутствует на церемонии перезахоронения останков отца в Севастополе, затем воюет в Крыму на стороне Врангеля. После эвакуации с полуострова – обычный путь офицера-эмигранта. Галлиполи, затем Прага, где благодаря Русской акции помощи Чехословацкого правительства он смог завершить высшее образование в Высшей технической школе. Евгений Петрович Очаковский-Шмидт состоял в Галлиполийском землячестве в Праге и в Обществе русских, окончивших вузы в Чехословакии.

Как мы видим, Бендер совершенно не подготовился ко встрече с председателем арбатовского исполкома – он не только не смог назвать имени знаменитого отца, но и не догадывался о настоящем имени сына лейтенанта Шмидта и о том, что сын был с отцом на мятежном крейсере. Да и сам предисполкома не был силен в истории:

«– Скажите, а вы-то сами помните восстание на броненосце «Очаков»?»

– Смутно, смутно, – ответил посетитель. – В то героическое время я был еще крайне мал. Я был дитя.

– Простите, а как ваше имя?

– Николай... Николай Шмидт.

– А по батюшке?

– Да-а, – протянул он, уклоняясь от прямого ответа, – теперь многие не знают имен героев. Угар нэпа. Нет того энтузиазма. Я, собственно, попал к вам в город совершенно случайно. Дорожная неприятность. Остался без копейки...

Председатель очень обрадовался перемене разговора. Ему показалось позорным то, что он забыл имя очаковского героя».

Да что там Бендер с председателем... Вот фрагмент из книги Евгения Шмидта, где он вспоминает дни заключения сразу после их с отцом ареста:

«Большинство офицеров было в полном походном снаряжении, а их возбужденные лица еще носили следы пережитых ночных волнений и боевого задора. Меня они совершенно не замечали, настолько не замечали, что когда, после долгих и мучительных колебаний, я попросил папиросу у одного пожилого капитана, самого добродушного на вид (мы с отцом сильно страдали из-за отсутствия табаку), он, с готовностью раскрыв портсигар, впервые обратил на меня благосклонное внимание и недоумевающе спросил, глядя на мою матросскую куртку:

– А ты, малый, как сюда попал? Ты кто?

– Я сын лейтенанта Шмидта и арестован вместе с отцом, – ответил я с гордостью.

– Что ты, голубчик, у Шмидта никогда не было детей, я его хорошо знаю, – небрежно отозвался незнакомый капитан.

Я вытаращил глаза.

– Позвольте, господин капитан, – начал я, не приходя в себя от изумления, я...

Но капитан уже не слушал меня и, повернувшись к сослуживцам, продолжал свой рассказ».

Прошло двадцать лет, и вся Россия узнала о «сыне лейтенанта Шмидта». Даже не о сыне – сыновьях. Их стало много. Слишком много. У «красного адмирала» появились даже «дочери». Все они ездили по бескрайним советским просторам и выманивали деньги

у доверчивых чиновников. Наивность некоторых бюрократов Ильф высмеивал со страниц юмористического журнала «Чудак». Например, в самом первом номере журнала за 1928 год опубликован его фельетон «Холостой мальчик», в котором рассказывается о четырнадцатилетнем аферисте, который, выдавая себя за детского корреспондента «Пионерской правды», сначала получил во ВЦИКе бесплатный проездной на трамвай, а затем в ВСНХ вообще легковой автомобиль на несколько дней – якобы для того, чтобы показать город немецким пионерам. Мальчик умудрился даже взять во ВЦИКе с неизвестного гражданина три рубля за то, что пропустил его на прием без очереди. Сразу вспоминается «реконструкция Провала» из «Двенадцати стульев». Видимо, таких случаев было в то время так много, что Ильф и Петров решили описать подобных «деятелей» в романе «Великий комбинатор», ставший впоследствии «Золотым теленком», над которым они как раз начали в то время работать.

Два вопроса, которые неизбежно возникают при погружении в эту историю, – почему Ильф и Петров выбрали в качестве персонажа именно сына, а точнее – сыновей лейтенанта Шмидта, и знал ли сам Евгений Шмидт о «сухаревакской конвенции» и Балаганове с Паниковским?

Поиски ответов на них не менее увлекательны, чем разгадка запутанной детективной истории. И вправду – как можно было насмехаться над героем революции 1905 года, имя которого вознесли на пьедестал не только победившие «красные», но вначале, после Февральской революции, Александр Керенский и адмирал Колчак, которые перенесли его останки с острова Березань в Севастополь и торжественно перезахоронили еще весной 1917 года, возложив на могильную плиту Шмидта офицерский Георгиевский крест? В советское время это могло быть попросту опасным.

Ответ прост. В советском правительстве прекрасно знали о том, что сын героя первой революции выбрал иной путь и вовсе не симпатизирует большевикам. Настолько не симпатизирует, что против них воевал. Небольшой фрагмент из книги об отце красноречиво характеризует его отношение к советской власти: «Теперь, через 20 лет после экспериментов советских извергов и голодного галлиполийского «пайка», подобное меню показалось бы мне райским блаженством, но тогда, в 1905 году, оно не могло не возмутить нас

обоих». Евгений Шмидт вспоминает тут о случае, когда им с отцом – уже арестованным – принесли вместо офицерского солдатский паек.

Белым эмигрантом стал и сводный брат лейтенанта – Владимир Петрович Шмитт – капитан 1-го ранга, гидрограф и океанограф, преподаватель Колумбийского университета. С 1925 года проживал в США и являлся активным членом Общества бывших русских морских офицеров в Америке.

Наверное, именно по этой причине настоящее имя сына лейтенанта Шмидта не было известно в Советском Союзе. Информацию о нем просто «закрыли», а шутить о нем можно было безбоязненно.

Знал ли Евгений Очаковский-Шмидт о том, что его имя стало вдруг невиданно популярным на родине? Вполне мог знать. Безусловно, встретиться с ним в Париже Ильф и Петров никак не могли – это было слишком рискованно. Встречи с белоэмигрантами не входили в планы несколько раз побывавших в Париже соавторов. А вот прочесть роман сын лейтенанта Шмидта мог – в 1930 году он переезжает из Праги в Париж, а с мая 1931 года парижский журнал «Сатирикон», редактором и издателем которого был Михаил Корнфельд, начинает публиковать роман «Золотой теленок» – одновременно с его публикацией в советском ежесычнике «Тридцать дней». В «Сатириконе» были опубликованы первые четырнадцать глав.

Обидела ли его эта слава, или, наоборот, он обрадовался возрождению хотя бы в таком виде памяти об отце, которого горячо любил, мы уже не узнаем. Евгений Шмидт вел замкнутый образ жизни и так и не стал своим в кругу эмигрантов – для «белых» он был слишком «красным», для «красных» – слишком «белым». В Париж он перебрался именно из-за конфликтов с пражскими эмигрантскими кругами. Нуждался, брался за любую работу, жил в одиночестве. Последние годы он провел в приюте «Маленькие сестры бедных» на улице Сен-Жак. Евгений Петрович Шмидт-Очаковский умер 25 декабря 1951 года и похоронен в общей могиле. Место его захоронения неизвестно.

Две экранные встречи Ильфа, Петрова и Праги были гораздо более оптимистичными. Более того – самая первая экранизация «Двенадцати стульев» была именно чехословацко-польским проектом. Вышедший в 1933 году одноименный фильм был снят

чешским режиссером Мартином Фричем и польским режиссером Михалом Вашиньским, а роль Кисы Воробьянинова сыграл известный чешский актер, директор Театра комедии Власта Буриан. Роль Остапа Бендера (в фильме это антиквар Камил Клепка) сыграл польский актер Адольф Дымша, а весь сценарий был адаптирован под европейские реалии – чехи и поляки не поняли бы тогда, что такое экспроприация имущества. Сюжет был таким. Пражский парикмахер Фердинанд Шуплатко получает письмо, в котором сообщается, что умершая в Варшаве тетушка оставила ему огромное наследство. Он бросает все и уезжает в Польшу, по дороге истратившись в пух и прах. Но... в пустом доме он находит только двенадцать старых стульев, которые недолго думая сдает в антикварный магазин. Той же ночью Фердинанд находит записку от тетушки, в которой говорится, что сто тысяч долларов спрятаны ею в одном из стульев. Он бросается к антиквару, но уже поздно – стулья распроданы поштучно. Фердинанд рассказывает антиквару о спрятанном сокровище, они решают действовать совместно и отправляются на поиски стульев. Увы, безуспешно – главный стул попал в детский приют, и найденные в нем деньги пошли в пользу сирот как вклад анонимного жертвователя.

Ильф и Петров знали об экранизации – во время своего первого визита в Варшаву в январе 1934 года они присутствовали на показе фильма; после сеанса их неоднократно вызывали на сцену. Авторы встретились тогда с Адольфом Дымшей – он рассказал об этой встрече в своем интервью «Литературной газете» в 1960 году.

Роман «Золотой теленок» был экранизирован в Чехословакии в 1970 году – через два года после самой первой, канонической советской экранизации с Сергеем Юрским в главной роли. В чехословацком прокате фильм вышел под названием «Командовать парадом буду я», режиссером фильма стал Ярослав Мах. Действие было перенесено в шестидесятые, Остап стал шофером и сменил имя на Фолька, а Корейко получил имя Альфонс Дртилек. И хотя все герои получили чешские имена, сюжет адаптировать уже не пришлось – к тому моменту чехи на собственном опыте узнали о «прелестях» социализма.

Вообще, история экранизаций романов Ильфа и Петрова в достаточной степени курьезна. После чешско-польской экра-

низации «Двенадцати стульев» фильмы по роману были сняты в Германии (1938 (!) год), Бразилии (1957), на Кубе (1962) и только после этого в СССР (1966). Роман был экранизирован в США, Германии, Австрии и даже в Иране. «Золотой теленок» был в первый раз экранизирован в 1968 году – через тридцать семь лет после выхода романа. После СССР фильмы по роману были сняты в Чехословакии и Венгрии. Почему же быстро ставшие классическими романы были экранизированы в Советском Союзе с таким опозданием? Они ведь и сегодня кажутся многим очень «советскими» и «идеологически выдержанными». Отчего же такая задержка?

На самом деле Ильф и Петров ходили по тонкому льду.

«Ильф и Петров, два необычайно одаренных писателя, решили, что если взять в герои проходимца авантюрной складки, то что бы они ни написали о его похождениях, критиковать их с политической точки зрения все равно будет невозможно...

В итоге Ильф с Петровым, Зощенко и Олеша ухитрились опубликовать несколько безупречных по качеству литературных произведений, пользуясь этим принципом, давшим им полную независимость, поскольку их персонажи, сюжеты и темы не подлежали политической трактовке. До начала тридцатых это им сходило с рук», – сказал Владимир Набоков в 1966 году в интервью Альфреду Аппелю.

До начала тридцатых... Опубликованный в 1928 году и моментально ставший популярным роман «Двенадцать стульев» серьезная критика впервые заметила... через год. Это молчание объясняется просто – менялась политическая конъюнктура, и роман не вписывался в нее. Более того, первые рецензии в газете «Вечерняя Москва» и журнале «Книга и профсоюзы» были откровенно разгромными. Эти рецензии и молчание критиков крупных столичных литературных журналов – «Красной нови», «Октября», «Нового мира», при всем при том, что книга мгновенно разошлась на цитаты, были настолько оглушающими, что подвигли Осипа Мандельштама и Юрия Олешу заступиться за авторов. Помимо политической конъюнктуры (борьба с Троцким, Бухариным и т. д.) немалое влияние на такую странную реакцию критики оказало и увольнение со всех постов друга и покровителя авторов Владимира Нарбута – именно он был главным редактором журнала

«30 дней» и издательства «Земля и фабрика», в которых был напечатан роман. Наконец, 17 июня 1929 года в «Литературной газете» была опубликована статья Андрея Тарасенкова «Книга, о которой не пишут», которая начиналась фразой: «Коллективный роман Ильфа и Петрова, как правильно отметил Ю. Олеша в своей недавней анкете в «Вечерней Москве», незаслуженно замолчан критикой». По сути, эта статья стала официальной «справкой о благонадежности» для книги. Что сыграло свою роль в таком резком изменении отношения к роману – то, что после опального Нарбута авторы нашли себе покровителя в лице стремительно набирающего авторитет Михаила Кольцова, благожелательный отклик Бухарина, который сам вскоре попадет в опалу, очередное изменение конъюнктуры? Пожалуй, все это вместе. Но несмотря на последующие хвалебные отзывы, советские власти так и не приняли роман до конца. История его экранизаций – лишнее тому подтверждение. Похожая реакция ожидала и «Золотого тельника» – Главлит отказался печатать роман отдельной книгой, Александр Фадеев, а вслед за ним критики разгромили авторов, и лишь после вмешательства Горького и Луначарского роман удалось напечатать.

Пожалуй, именно зарубежные экранизации обоих романов поставили точку в споре о том, «советские» ли они. Именно адаптации сюжетов под реалии совершенно разных стран подтвердили, что «Двенадцать стульев» и «Золотой тельнок» – классические плутовские романы, продолжившие в XX веке многовековые традиции этого жанра.

Проходят столетия, меняется название страны и общественный строй, но Прага всегда прекрасна, а традиции ее неизменны. Я читал «Двенадцать стульев» в Одессе, в квартире на улице Ильфа и Петрова. Самое время перечитать «Золотого тельника» на улице Кременцовой в Праге, в пивоварне «У Флеку», где ужинали Ильф и Петров, и где свое собственное пиво варят вот уже пятьсот лет.

